ПАМЯТИ ВАЛЕНТИНА СЕМЕНОВИЧА НЕПОМНЯЩЕГО
9 мая 1934 — 15 сентября 2020[1]

Первые работы Валентина Семеновича Непомнящего увидели свет в начале 1960-х. Первая книга — «Поэзия и судьба» — появилась двадцать лет спустя, в 1983-м. Открывалась она опубликованной в 1965 году статьей «Двадцать строк».[2] Это композиционное решение было мотивировано отнюдь не биографически: Непомнящий вовсе не хотел поведать о пройденном им пути; даты под следующими далее главами «наползают» одна на другую, «общность» составивших книгу работ куда нагляднее, чем движение авторской мысли. Которая, разумеется, с ходом времени эволюционировала (пожалуй, довольно существенно), но в главном оставалась себе равной. Не было помещение давней работы в зачин связано и с «историей объекта». «Двадцать строк» — прочтение одного из *последних* созданий человека, с постижением двуединства поэзии и судьбы которого была связана вся жизнь Непомнящего. Наконец, но не в последнюю очередь, в этом ходе не было ничего экстравагантно завлекательного: мол, начнем с конца, дабы яснее увидеть все предшествующее.

Много лет назад (примерно в пору издания «Поэзии и судьбы») мне рассказали весьма выразительную историю. Некто спрашивает у Непомнящего, что он собирается читать в отпуске. И слышит: *Я всегда и везде читаю одну книгу — «полный» однотомник Пушкина*. Надо быть совершенно гротескным дураком, чтобы

[1] Первоначальный вариант этого некролога опубл.: Новая газета. 2020. № 105. 25 сент.

[2] *Непомнящий В. С.* Двадцать строк: (Пушкин в последние годы жизни и стихотворение «Я памятник себе воздвиг нерукотворный») // Вопросы литературы. 1965. № 4. С. 111—145.

© А. С. Немзер, 2022
DOI 10.31860/0236-2481-2022-36-316-319

с «фактами в руках» опровергать это признание: нет, Непомнящий был основательно знаком со Священным Писанием, творениями Софокла, Данте и Шекспира, Достоевского и Толстого, Блока и Ахматовой и даже весьма многих своих современников! Конечно, В. С. много кого читал — и дай нам Бог приблизиться к уровню его «начитанности». Но в ответе на «бытовой» вопрос явственно слышится не только искрометная и добродушная шутка (о чем речь? — про меня и так заранее «все известно»!), но и самая настоящая правда. Отзывающаяся иной — уж точно не подразумевающей оговорок и не подлежащей опровержению: Непомнящий всегда и везде писал одну книгу — о Пушкине. Не о творческом пути Пушкина, не о его отношениях с предшественниками, современниками и потомками, не о его философских, эстетических, религиозных, политических и еще каких-нибудь воззрениях, даже не о «Евгении Онегине», «Борисе Годунове», «маленьких трагедиях», «Повестях Белкина», «Пророке» и «Памятнике» (хотя о всех этих сочинениях В. С. высказался весьма подробно) — просто о Пушкине. Который, конечно, откликался на «всё», эволюционировал, спорил много с кем и с самим собой, кому-то благодарно наследовал, чье-то явление миру предсказывал и обусловливал, но при всей своей подвижности и «объемности» оставался Пушкиным. В равной мере превышающим даже самые глубокие истолкования и жизненно необходимым каждому. Непомнящий мыслил о Пушкине именно так, а обнаружив «иные варианты» отношения к своему — по слову самого Непомнящего — учителю, страстно гневался либо поистине сокрушенно печалился. Если бы в далеком 1859 году Аполлон Григорьев не изрек сакраментальное «Пушкин — наше всё», формула эта непременно возникла бы в той десятилетиями строившейся и внутренне единой «книге», автор которой стал героем приведенного выше «анекдота». Анекдота, что, как кажется, неплохо бы смотрелся в пушкинских «Table-talk».

Впервые фамилию «Непомнящий» я услышал десятиклассником, осенью 1973 года (то есть примерно через десять лет после дебюта В. С. и за десять лет до обнародования «первой редакции» его «длящейся» книги). Прозвучала она как синоним слова «пушкинист», точнее — «единственный на сегодня настоящий пушкинист». Нет нужды объяснять, что дело обстояло решительно иначе, и называть имена замечательных (да и великих!) ученых, чьи работы 1960-х — начала 1970-х годов по сей день законно почитаются классическими и лично мне более чем просто дороги. Все так. Но высокая легенда о Непомнящем не была случайной. Для ее возникновения имелось три причины. Две «частных». Во-первых, никто из

работавших тогда выдающихся литературоведов не был *только пушкинистом*. Во-вторых, Непомнящий не был тем, кто обычно именуется *ученым*. (Годы спустя, обретя докторскую степень, работая в академическом институте и возглавляя при нем «пушкинскую комиссию», В. С. не в одном интервью говорил: *я не ученый*. И это не было ни смирением паче гордости, ни кокетством.) Соединение ощутимо *личной* (это значило: и свободной от идеологических догм, и естественной) интонации и внимания к *одному* творцу (и прежде почитавшемуся больше и иначе, чем другие) отвечало общественной потребности *в герое с человеческим лицом*. Превращение Пушкина из отвлеченно правильного (дозволенного, хоть и с некоторым количеством «разъяснений») «классика» в живого, доброго, мудрого, но открытого (доступного) нам собеседника предваряло назревающее новое открытие всей «русской литературы», приобщавшей разом к «высшим ценностям» (сперва — этическим, потом и «духовным»), поэтической свободе (реабилитация самоценного искусства) и национальной традиции. Не то чтобы Пушкина прежде не любили вовсе (кто-то очень даже любил!), но любовь к нему в «советском поле» до поры оставалась скорее «личным делом» отдельных чудаков.

Один из них, «с незаметным лицом в порядком обтрепанном пиджаке», летом 1965 года вдруг обратился к молодому человеку, поджидавшему приятеля на площади Пушкина: «...может, вы знаете, что он сказать хотел вон теми словами — на памятнике написаны: “И милость к падшим призывал”?». Спрошенный волею судеб оказался автором только что опубликованной статьи «Двадцать строк». «Совпадение так меня поразило, что я не сразу смог собраться и довольно косноязычно изложил то, что говорилось в этой статье о пушкинской “милости к падшим”, об общечеловеческом, нравственном, — а не только политическом, как обычно тогда считалось, — смысле этой строчки, призывающей к терпимости и милосердию». Думается, что В. С. этим не ограничился. Ведь в статье сказано: «...нет никакой свободы — ни политической, ни духовной — без человечности и сострадания <...>. И потому строка о “милости к падшим” имеет еще один важный смысл. Она говорит о том, что Пушкин видел жизнь как она есть, понимал ее собственные законы и потому относился к своим героям — даже “падшим” — по-человечески...» И едва ли В. С. умолчал о том, как четыре строфы связаны с пятой, о том, что поэт «пробуждает добрые чувства, восславляет свободу, призывает милость к падшим», потому что муза его послушна *Веленью Божьему*...

«Он (человек из толпы. — *А. Н.*) слушал с великой серьезностью, сосредоточенно сдвинув брови и внимательно, чуть ли не не-

доверчиво, глядя мне то ли в глаза, то ли в рот. Потом тряхнул головой и сказал:

— Точно... Вы извините, я-то и сам вот так чувствовал, только — откуда мне знать? Ну вот... значит, все верно...»[3]

Встреча эта была сколь символичной, столь и судьбоносной. Не важно, прямо ли в тот летний день или несколько позже Непомнящий осознал свою миссию. Важно, что это произошло. Непомнящий стал выразителем того, что чувствовали или хотели почувствовать очень разные люди — как в потертых пиджаках, так и в куда более приличных одежках. Его поиск сливался с иными поисками Пушкина, а доверие к полноте пушкинского «смысла» — с доверием к пушкинистике *народной*. Не надо думать, что это настойчиво повторяемое Непомнящим определение предполагало непременное отсутствие образования вообще или даже образования филологического. *Народным* для Непомнящего было *верное* понимание Пушкина (при этом не отвлеченное, а сказывающееся в собственно жизни), как Пушкин мыслился им *идеальным* воплощением сути *народа* (мягко говоря, далеко не всегда являемой в каждодневной обыденной реальности). Об этом Непомнящий писал свою единственную книгу — это была его поэзия и его судьба.

Нет сомнения, что разные страницы этой книги ныне воспринимаются с далеко не одинаковым чувством — даже теми читателями, что когда-то видели в Непомнящем единственного настоящего пушкиниста. Но нет сомнения и в том, что разномыслие не может (по крайней мере, не должно) отменять глубокой благодарности человеку, который всей душой желал приближения каждого из нас к Пушкину и долгие годы делал для того все, что было ему по силам.

Андрей Немзер

---

[3] *Непомнящий В. С.* Поэзия и судьба: Статьи и заметки о Пушкине. М., 1983. С. 33.

Пушкинский кабинет ИРЛИ